

О назначении С.С. СИДОРСКОГО Премьер-министром Республики Беларусь

С согласия Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь назначить Сидорского Сергея Сергеевича Премьер-министром Республики Беларусь.
Президент Республики Беларусь Александр ЛУКАШЕНКО

ТАКИЕ ДАЛЕКИЕ ГОРЫ

В Непал прибыли участники белорусской альпинистской экспедиции для покорения высочайшей вершины мира — Эвереста

3

СТОН И ТОН.

Сегодня в Беларуси насчитывается около 16 тысяч автомобилей с заводской тонировкой

5

РЕСПУБЛИКА

№ 72 (4009)

СЕРАДА, 19 КРАСАВІКА 2006 г.

КОШТ 350 РУБ.

www.respublika.info

ЗАСНАВАНА 8 КРАСАВІКА 1991 г.

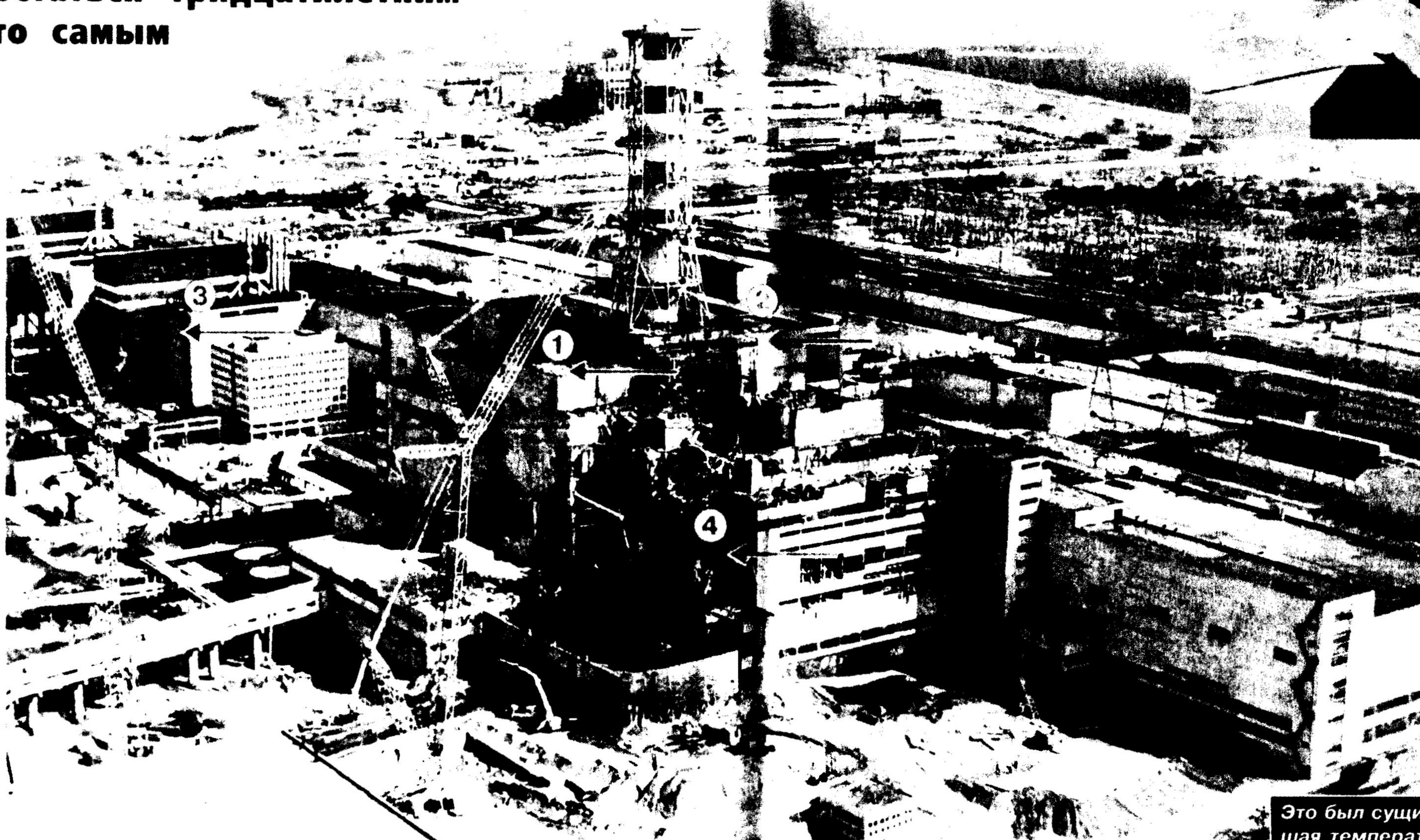
ЧЕРНОБЫЛЬ: ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Иван Шаврей, который спас мир

Он должен был остаться тридцатилетним навеки, потому что самым первым шагнул к пылающему реактору...

Виктор Кибенок, Владимир Правик, Владимир Тишура, Николай Титенок, Николай Ващук, Василий Игнатенко. Принято считать и считалось все двадцать прошедших после этого страшного дня лет, что именно эти парни-пожарные первыми вступили в схватку с взбесившимся атомом и укротили его ценой собственных жизней. Да, они, вечная им память, честно исполнили свой долг. Мы помним их имена и их подвиг. Но это, согласитесь, не повод забывать о тех, кто самым первым встал на пути ядерной стихии, сделал при этом все от него зависящее и... остался жив.

— 25 апреля 1986 года, в обычный день, наш караул заступил на обычное дежурство. Ночь теплая, мы — я, диспетчер, дневальный по гаражу — вышли из помещения, отдыхаем. На станции (ее забор от части в восьми метрах, сама АЭС — в пятидесяти) все тихо, мы говорим о том, что весна нынче ранняя, скоро картошку сажать. В этот момент на центральном оповещательном пункте, на который запитана вся станция и который немедленно сигнализирует о малейших неполадках на ней, срабатывает сигнализация. Диспетчер Сергей Лягун, мой шурин, муж родной сестры Лены, глянул на пульт и обомлел, — похоже, вся система противопожарной безопасности вышла из строя. А затем такой хлопок, — похоже на выброс пара, к которым мы уже привыкли и внимания не обращали. Я выскакиваю на улицу, и тут как тряханет! Два взрыва внутри и затем третий, которым разворотило крышу четвертого блока... Этот огненный шар у меня и сегодня перед глазами... Высота станции — семьдесят один метр, а шар этот, огненно-чер-

- 1 ряд «А», где начали работу пожарные;
- 2 ряд «Б», куда они передислоцировались;
- 3 лестница, по которой поднимались на крышу третьего блока;
- 4 там, под обломками, несущий смерть реактор.

Высота станции — семьдесят один метр, а шар этот, огненно-черный такой, висел еще метрах в ста над ней.

Наровле, приютившегося на самом берегу Припяти, повисает тягучая тишина. Высокого, крепкого пятидесятилетнего мужчину с густым ежиком черных как смоль волос зовут Иван Михайлович Шаврей. Двадцать лет назад ему было тридцать. Он был командиром второго отделения по-

жарного караула военизированной пожарной части Чернобыльской АЭС. И по логике вещей он должен был остаться навеки тридцатилетним. Потому что первым, плечом к плечу со своими товарищами, шагнул к пылающему реактору.

— На то, чтобы добраться до станции, нам понадобилось всего семь минут. Начальник караула Володя Правик и Леня (Леонид Шаврей — командир первого отделения — родной брат Ивана. — Авт.) побежали на разведку в машинный зал — нужно было посмотреть, где проложить рукава, как подать воду. Все сухотрубы оказались порванными... В «мирное» время нам часто говорили — случись что на АЭС, вы, пожарные, будете просто наблюдателями, есть, мол, специальная установка, которая в случае не-

штатной ситуации все зальет водой. На учениях, во время тренировок так все и было, но теперь ее разворотило. И мы, у каждого по четыре скатки рукавов, через третий энергоблок поднялись по лестнице бегом на семьдесят один метр и стали на четвертом блоке по ряду «А». Но пожар уже перебрался на кровлю третьего энергоблока, и Правик дал команду сниматься на ряд «Б». На наше место прибыло отделение пожарной части Припяти под командованием Виктора Кибенка. А мы опять бегом спустились вниз, оббежали блок, поднялись наверх. Это был сущий ад! Сумасшедшая температура, дым, огонь, горящие куски графита под ногами, по которым мы топтались и которые заливали водой.

Мы продержались где-то около часа... Стала вдруг кружиться голова, поплыло все перед глазами. Прибегают Валера Дасько и Петя (Петр Шаврей — инспектор пожарной части АЭС, родной брат Ивана. — Авт.): «Ребята, все вниз, «скорая» ждет!» Какая «скорая», какое вниз — рукава, за которые я отвечаю, на ряде «А» остались. Я — туда. Ребятам, а они раздетые, кители сбросили, плохо, Васю Игнатенко, вижу, рвет. Я к нему, по щекам хлопал: «Вася, ты как?» «Ничего, сейчас отплююсь», — хрипит. Ребята Кибенка, Ващу-

ка, Игнатенко уже забирают, тут и меня шатнуло — «поплыл». Дасько с Петей меня и Сашу Петровского на руках потащили. Выехали за ворота атомной, и стало нас всех выворачивать. В Припяти в медсанчасти ведут в душ, но мы уже ничего не соображали, прямо в душевых отрубались...
На снимке: Иван ШАВРЕЙ.
(Окончание на с.2)

Это был сущий ад! Сумасшедшая температура, дым, огонь, горящие куски графита под ногами, по которым мы топтались и которые заливали водой.

Фото Александра КУШЕНКО

(Окончание. Начало на с. 1)

Кому жить, сколько жить, решалось в шестой московской клинике, куда двумя самолетами рейсами доставили двадцать восемь пожарных из Чернобыля. Отделение Виктора Кибенка, все шесть человек умерли через 11—13 дней после аварии — ни современная медицина, ни профессор Ангелина Гуськова, ни американский доктор Гейл ничем не смогли помочь людям, получившим запредельную дозу облучения в 1200—1600 рентген...

— Мне как-то удалось попасть в палату к Володе Правику. Захожу, он лежит под простыней. Негр... Черный-черный... Губы распухли... Мать его сидит рядом, натирает яблоки. Володя мне: «Михалыч, возьми, съешь за меня...» Я эти слова всю жизнь помню буду... Один Володя из всего нашего караула и умер — он ведь в реакторный зал входил, большую дозу схватил. Страшно умирали ребята... — глотает подступивший к горлу комок Иван Михайлович.

Долгое время между жизнью и смертью балансировал и сам Иван Шаврей.

— Прихожу помыться. К лицу своему загоревшему (один из побочных эффектов сильного облучения — так называемый ядерный загар. — Авт.) уже вроде привык, но провожу

Иван Шаврей, который спас мир

рукой по волосам, а они... вылезают. А на следующий день температура сорок один, и неделю без сознания. Три кризиса перенес. После последнего, когда я еще подняться не мог, приходит врач наш Александра Федорова Шемардина и поздравляет меня с днем рождения. Я удивился, у меня день рождения в декабре, а она говорит: «Сынок, ты будешь жить!» Я заплакал...

Иван Шаврей и его шурин Сергей получили дозу в 500 рентген, братья Леня и Петя — 600 и 300. Если знать, что летальной по тем временам считалась доза в 100 рентген, то живы они остались только чудом. Над разгадкой этого чуда Иван Михайлович бьется и по сей день.

— Если бы мы остались на ряду «А», все полегли бы точно — ядерный ветер, завихрения воздушные там были посильнее, чем на ряду «Б». Ну а так... Может быть, выручили крепкие гены полешуков. Может быть, мы, как бы это точнее сказать, к такому были подготовлены — локальные выбросы пара, эти самые хлопки, случались и раньше, после них у нас, как правило, появлялись язвы во рту, но все проходило без последствий. А может быть, это и было самое настоящее чудо, — Иван Михайлович оценивающе смотрит на нас. — В то, что я сейчас скажу, можете не верить, но памятью друзей своих погибших клянусь, что правду говорю. Где-то за месяц до аварии я приехал в Белые Сороки. И ночью мне приснилась...

Богородица. Что-то немыслимо огромное, ослепительно-сияющее. Ни контуров фигуры, ни лица не видел, но я, тридцатилетний и далекий от религии парень, почему-то сразу понял, что это Богородица. Утром рассказываю сон маме, а она плачет — не знаю, мол, сынок, к чему это...

В Беларуси двое пожарных, которые заслонили нас с вами и весь мир от Чернобыля, — Василий Игнатенко и Иван Шаврей. Василий покоится на Митинском кладбище в Москве, памятник ему поставлен на родине, в Брагине, в каждую годовщину Чернобыля там возлагаются цветы, проходят митинги. Иван Шаврей жив, но о его подвиге мало кто знает. И автор этих строк — первый за двадцать лет журналист, с которым он общался. Это мне кажется неправильно. Вношу предложение. Несколько лет назад общественная организация «Щит Чернобыля» ходатайствовала о присвоении звания Герой Беларуси (посмертно) Василию Игнатенко и вертолетчику Василию Водолажскому, который сделал 120 вылетов к реактору и сбросил в него 300 тонн специальной смеси. По каким-то причинам инициатива заглохла. Но сейчас, в преддверии 20-й годовщины Чернобыля, есть, мне кажется, смысл к ней вернуться. И список из двух погибших дополнить единственным живым пожарным — Иваном Шавреем.

Михаил КУЧКО, «Р»